

Берешит 4:23

Лемех сказал своим жёнам Аде и Цилле: «Внемлите мне, жёны Лемеха, слушайте мою речь: мужа убил я раною себе и отрока – себе увечьем».

Сфорно

Внемлите мне, жёны Лемеха¹ – [как] я воплю в скорби².

Мою речь – и поведаю я вам о своём горе.

Убил я раною себе – себя самого я ранил, ведь был убитый³ мне отцом⁴.

¹ Сфорно, как ему свойственно, разбивает этот стих не так, как подсказывают знаки кантилляции (*ревиа* и *мапах*). Если следовать им, стих этот читается так: «Лемех сказал своим жёнам: Ада и Цилла, внемлите мне; жёны Лемеха, слушайте мою речь» (ср. *Дварим* 32:1: «Слушайте, небеса, – и я промолвлю; внемли, земля, речи моих уст»; здесь параллелизм «слушайте» / «внемли» подкреплён параллелизмом «небеса» / «земля», как в словах Лемеха обращение («Ада и Цилла») и его перифраз («жёны Лемеха») должны были бы подкреплять параллелизм «внемлите» / «слушайте» (ср. также *Шофтим* 5:3, *Йешаяу* 1:10, 28:23, 64:3, *Йирмеяу* 13:15, *Ошеа* 5:1, *Йоэль* 1:2, *Теиллим* 49:2 и *Ийов* 34:2). Возможно, Сфорно основывается на гмаре *Санэдрин* 38б, обсуждающей, почему Лемех обращается к своим жёнам «жёны Лемеха». Гмара эта цитирует этот стих до слов «жёны Лемеха», что может означать, что риторический раздел помещается не после слов «внемлите мне», как подсказывают знаки кантилляции, а там, где поместил его Сфорно. См., однако, мидраш *Танхума Берешит* 11:4, где слова «жёны Лемеха, слушайте мою речь» произносит Адам; по-видимому, мидраш разделяет этот стих так же, как подсказывают знаки кантилляции.

² Слова Лемеха, отмеченные синтаксическим параллелизмом, который свойствен тем местам Писания, что обыкновенно называют поэтическими, стилистически выделяются. Вероятно, Сфорно имеет в виду, что Лемех использует здесь фигуру *ἀποστροφή* или *exclamatio*, то есть риторическое обращение-восклицание. Как пишет Квинтилиан (римский теоретик риторики, заново открытый Поджо Браччолини в 1416-м году, то есть за шестьдесят лет до рождения Сфорно, чьи труды помещались в центре гуманистического образования) в *Institutio Oratoria* IX:2:26–27, фигура эта, употреблённая искусно, более всего подходит, чтобы выразить внезапное и сильное чувство: гнев, страх, горе, ликование и т.п. Старший современник Сфорно Йеуда Мессер Леон в своём риторическом пособии *Нофет Цуфим* (4:7, נחמת צופים), составленном по образцу других гуманистических учебников риторики, но иллюстрирующем определения риторических фигур цитатами не из античных авторов, а из Танаха, и описывающем язык Торы в терминах риторической науки, сокращает список чувств, для выражения которых годится эта фигура, до горя, гнева и тревоги – то есть тех, о которых пишет здесь Сфорно, – и советует пользоваться ей бережливо, чтобы всякий раз она возбуждала эти чувства с прежней силой. Таким образом, краткий горестный возглас Лемеха как нельзя точнее соответствует риторическим предписаниям, заново установленными гуманистической педагогией.

³ То есть Каин, согласно мидрашу *Танхума*.

⁴ То есть прямым предком. См. *Брахот* 16б, где говорится, что из всех предков евреев отцами зовут лишь Авраама, Ицхака и Яакова. Некоторые средневековые комментаторы, ссылаясь на вавилонских гаонов, поясняют, что лишь эти трое – отцы всего народа, и каждый еврей ведёт родословную от них. Так и Лемех почтительно зовёт отцом своего прямого – хотя и дальнего – предка.

И отрока – себе увечьем – увечье это причинил я самому себе тем, что был убитый мне сыном⁵.

⁵ Вот что повествует об этом *Танхума Берешит* 11:2: «А как был [Каин] убит? ... Лемех, его потомок в седьмом поколении, был слеп. Вышел он охотиться, а сын его вёл его за руку. Когда отрок замечал зверя, говорил он об этом [отцу. Вот и теперь] сказал он ему: ‘Я вижу нечто вроде зверя’. [Лемех], прицелясь, натянул тетиву лука и поразил Каина. ... Воскликнул Лемех: ‘Горе мне! Ведь он мой предок’. От скорби хлопнул рукою об руку, нечаянно ударив отрока по голове, и убил его». [Ср. мишну *Моэд Катан* 3:9 и Раши к *Бейца* 30а о хлопке как траурном жесте, см., однако, Раши к *Шаббат* 148б, что в знак скорби ударяют не (только) рукою об руку, но и по сердцу].

На мидраш этот ссылается и Раши, и Сфорно, по-видимому, подразумевает его, однако следует ему не во всём. Мидраш и Раши полагают, что «рану» и «увечье» Лемех нанёс, соответственно, Каину и своему сыну Туваль-Каину. Раши поясняет, что первое слово – «пеца» – означает – «ранение, нанесённое мечом или стрелой» (поскольку Лемех, согласно мидрашу, поразил Каина стрелой), что он переводит старофранцузским словом «*macadura*», ср. совр. французское «*mâchure*», ср. Раши на *Йешаяу* 1:6; второе же слово, «хабура», может означать всякий вид увечья, приводящий к кровоизлиянию, см. *Бава Кама* 85б–86а. См., однако, *Шмот* 21:25: «Рана за рану, ушиб за ушиб». Раши поясняет, что «рана», «пеца» – всякое увечье, приводящее к кровоизлиянию, а «ушиб», «хабура», – то, что приводит к синяку или покраснению.

Сфорно же пишет, что Лемех поразил сам себя, убив и прародителя, и сына. С одной стороны, толкование это не требует допускать тех иносказаний, которые вынуждены допускать прочие комментаторы, поскольку не противоречит грамматике стиха, с другой же стороны, самому Сфорно приходится допустить, что это единственный – по крайней мере в том, что касается простого смысла, – стих в Танахе, где эти слова «рана» и «увечье» означают страдание, а не настоящее повреждение (даже о стихе *Мишлей* 20:30 в комментарии к *Бемидбар* 19:2 Сфорно пишет, что рана и увечье, упомянутые в нём, – телесные). Р. Йеуда Куперман в своём суперкомментарии на Сфорно отмечает, что параллелизм первой части этого стиха – «внемлите» и «слушайте» – отражает Лемехову двойную печаль – об убийстве Каина и Туваль-Каина (а потому «скорбь» и «горе», о которых говорит Сфорно в комментарии к этим словам, – два отдельных чувства).